

Как появлялись идентичности в раннем Средневековье? Рецензия на книгу «The making of the monastic community in Fulda c. 744–900» Я. Рааймакерс

[Шмидт, Г. А.](#) Как появлялись идентичности в раннем Средневековье? Рецензия на книгу «The making of the monastic community in Fulda c. 744–900» Я. Раймакерс, В кн.: Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2019. Вып. 5 (1). С. 125–138.

[Глеб Александрович Шмидт](#), аспирант, Лотарингский университет (57045, France, Metz cedex 01, UFR Sciences humaines et sociales, Ile du Saulcy, BP 60228)
schmidt.gleb@gmail.com

УДК 94(100) 05

Язык: русский

Ключевые слова: Фульда, Каролинги, монастырь, монашество, идеология, коллективная идентичность

Постоянная ссылка: <http://proslogion.ru/51-schmidt/>

How did identities appear in the early Middle Ages? Review on the book «The making of the monastic community in Fulda c. 744–900» by J. Raimakers

[Schmidt, G. A.](#) Kak poyavlyalis' identichnosti v rannem Srednevekov'e? Retenziya na knigu «The making of the monastic community in Fulda c. 744–900» Ya. Raymakers [How did identities appear in the Early Middle Ages? Review on the book «The making of the monastic community in Fulda c. 744–900» by J. Raaijmakers], in: Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture, 2019. Vol. 5 (1). P. 125–138.

[Gleb Aleksandrovich Schmidt](#), postgraduate student, Université de Lorraine (57045, France, Metz cedex 01, UFR Sciences humaines et sociales, Ile du Saulcy, BP 60228)
schmidt.gleb@gmail.com

Language: Russian

Key Words: Fulda, Carolingian, monastery, monasticism, ideology, collective identity

URL: <http://proslogion.ru/51-schmidt/>

Г. А. Шмидт

КАК ПОЯВЛЯЛИСЬ ИДЕНТИЧНОСТИ
В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ?
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
«THE MAKING OF THE MONASTIC COMMUNITY
IN FULDA C. 744–900» Я. РАЙМАКЕРС

Дискуссии о групповой идентичности восходят к концу XIX – началу XX в., когда историки были увлечены размышлениями об этногенезе, возникновении наций и национальных государств. В ту эпоху все перечисленное считались продуктом присущего индивидам и группам имманентного сознания, мыслившегося как неизменяемое во времени и имеющее объективные познаваемые характеристики. Ныне представление об «идентичности» претерпело изменения, и теперь формирование того, что делает существование группы реальным для ее членов (собственно, идентичности), рассматривается в качестве продолжительного и сложного процесса, результата осмысленной и целенаправленной работы. Именно по этой причине некоторые исследователи предпочитают термину «идентичность» (*identity*) другое слово, «идентификация» (*identification*), подчеркивающее активную роль субъектов в конструировании их сообщества¹.

Люди раннего Средневековья были далеки от какой бы то ни было теоретизации «идентичности», и в их лексиконе не было столь же абстрактного слова для обозначения чего бы то ни было сходного с этим понятием. Однако так же, как и люди современные,

---

¹ *Raaijmakers, J.* The making of the monastic community in Fulda c. 744–900. Cambridge, 2012. P. 7–8.

© Г. А. Шмидт, 2019

разные группы людей раннего Средневековья были склонны противопоставлять свое коллективное «мы» неким «другим», а также использовать прошлое для того, чтобы обозначить границу, отделяющую это самое «мы» от разных групп «других». Конструирование подобных сообществ имело чрезвычайно важное значение, поскольку придавало смысл существованию индивидов и групп, а также создавало структуру в хаосе окружающего мира.

Значительную роль в понимании того, как формировались идентичности в раннее Средневековье, сыграла работа австрийского историка Вальтера Поля². Этот исследователь пришел к выводу, что конструирование групповой идентичности — социальный феномен и он должен рассматриваться как процесс создания сообщества, рождающегося и существующего в изменяющемся историческом контексте, который ставит перед этим сообществом обусловленные конкретными обстоятельствами проблемы. Поэтому лишь изредка процесс формирования протекает гармонично. Чаще же всего он сопровождается конфликтом (в большинстве случаев ясно осознаваемым), который целенаправленно пытаются разрешить, с успехом или без, члены формирующего или уже существующего сообщества.

Пример Фульдского аббатства, которому посвящена монография Я. Раймакерс, представляет значительный интерес для тех, кто интересуется формированием сообществ в раннем Средневековье не только в силу огромного культурного значения, которое имела эта обитель, но и еще и по той причине, что процесс создания групповой идентичности в случае этого монастыря богато документирован и может быть реконструирован на основании солидного корпуса самых разнообразных источников, среди которых анналы, агиографические тексты, юридические документы и даже архитектура монастырских построек.

Книга Я. Раймакерс завершает цикл работ³ этой нидерландской исследовательницы о монастыре Фульда и подводит итог ее много-

---

² Pohl, W. The construction of communities and persistence of paradox: An introduction, in: *The Construction of Communities in the Early Middle Ages: Texts, Resources and Artefacts* / Ed. R. Corradini, M. Diesenberger, et al. Leiden/Boston, 2003. P. 1–16.

³ Raaijmakers, J. Fulda, eine heilige Stadt: Hrabanus Maurus und die Reliquientranslationen (835–838), in: *Kirche und Schrift — Hrabanus Maurus in Fulda* / Ed.

летним изысканиям, посвященным трансформации монашества в раннем Средневековье в целом и этой обители в частности.

Фульдское аббатство, основанное в 744 г. по уставу святого Бенедикта на территории современного Гессена к северо-востоку от его столицы, Франкфурта-на-Майне, было одной из самых значительных и влиятельных обителей раннего Средневековья. С момента основания монастыря его история была тесно связана с династией Каролингов, которая в первые десятилетия VIII в. сосредоточила в своих руках фактическую власть над Франкским государством, а в 751 г. с низложением последнего Меровинга, Хильдерика III, стала королевской. С тех пор аббатство было постоянно вовлечено в политику воцарившейся династии и играло значительную роль в распространении и укреплении ее власти во Франкском государстве, а также в проводимых ей реформах, создавших основания для культурного расцвета, известного как «каролингское возрождение», одним из важнейших центров которого было суждено стать этому монастырю.

Исключительное положение Фульдского аббатства позволило ему ко времени своего наивысшего расцвета в первой четверти IX в. стяжать обширные владения, разбросанные по гигантской территории от Фризии до Боденского озера и от Лотарингии до восточных границ Франкской империи, и таким образом стать крупным центром экономической, социальной и духовной жизни. Однако рост обители и распространение ее культурного, экономического и политического влияния ставили перед Фульдским аббатством и серьезные проблемы. Общине было необходимо находить правильный баланс между участием монастыря в мирских делах, к чему обязывал статус королевского монастыря и центра популярнейшего мученического культа, и его закрытостью, подразумевавшейся бенедиктинским монашеским идеалом. Но главной проблемой, стоявшей перед аббатством, была необходимость формировать общую для насельников идентичность, которая была бы способна сплачивать все более разнородную и многочисленную

М.-А. Арис. Fulda, 2011. S. 219–238; *Raaijmakers, J.* Word, image and relics: Hrabanus Maurus and the cult of saints (820s–840s), in: *Hraban Maur et son temps* / Ed. Ph. Depreux, S. Lebecq, et al. Turnhout, 2011. P. 385–401.

монашескую общину, разбросанную по метохам аббатства, часто расположенным на весьма значительном удалении друг от друга и исключавшим личное знакомство всех ее челнов. Именно успех и эффективность этой работы в Фульдском аббатстве стали подлинным фундаментом, на котором было воздвигнуто здание тысячелетней истории одной из самых важных монашеских общин Средних веков.

Главным инструментом создания общей идентичности было конструирование общего для всех членов общины прошлого и его постоянное переосмысление сквозь призму текущих событий. Хотя в раннее Средневековье и было принято подчеркивать ревностное следование традиции, и аббаты, стоявшие во главе монашеской общины Фульды, не были в этом исключением, представляя себя лишь хранителями и продолжателями традиций, заложенных при основании обители, традиции, к которым они апеллировали, очень редко были устоявшимся и неизменным каноном. Они выступали скорее в качестве неиссякаемого источника идей, которые помогали монахам переосмысливать миссию монастыря и его место в христианском мире и наполнять существование аббатства новыми и актуальными смыслами.

Богатые материалы Фульдского аббатства — анналы, агнографические произведения, официальные документы и архитектура монастырских построек — оставили историкам редкое по своей полноте свидетельство подобного диалога между традициями и необходимостью их постоянного переосмысления в свете текущих событий, служившего делу сплочения монашеской общины и формирования ее идентичности. Пример Фульдского аббатства позволяет провести детальную и всестороннюю реконструкцию работы общины над своим прошлым и описать все ее этапы и результаты. Подобному анализу всего обширного корпуса источников и посвящена работа Я. Раймакерс.

По своему плану книга Раймакерс представляет собой хронологически упорядоченное изложение истории Фульдского аббатства, начиная с его основания в 744 г. до приблизительно 900 г., условной даты, выбор которой автором связан с тем, что к этому моменту государство Каролингов, династии, с которой аббатство было тесно связано, фактически распалось. Большинство глав посвя-

щены эпохе одного или нескольких из восьми аббатов Фульды, возглавлявших обитель в этот период. В каждом из разделов книги основное внимание уделяется тем мерам, которые разные аббаты в конкретных обстоятельствах предпринимали для того, чтобы подчеркнуть особенное положение монастыря среди всех прочих обителей, а также важность и уникальность его миссии. Несмотря на то, что каждый раз задача решалась по-разному, на протяжении всей эпохи, рассматриваемой в книге Раймакерс, идентичность фульдской монашеской общины выстраивалась вокруг трех идей: не опосредованных ничем и никем особенных отношений аббатства с Римом, тесной связи с династией Каролингов и неотступного следования уставу святого Бенедикта и воплощаемому им монашескому идеалу⁴. Как полагает Раймакерс, эти три опоры, на которых выстраивалась и перестраивалась идентичность монахов Фульды, были заложены самим основателем монастыря, святым Бонифацием, еще в первые годы существования обители, которым посвящена первая глава книги.

В этой главе Раймакерс анализирует место Фульдского аббатства в обширной реформаторской деятельности святого Бонифация (ок. 675–754), англосаксонского монаха-бенедиктинца, при покровительстве династии Каролингов (Пипинидов) ревностно боровшегося за евангелизацию языческого населения, жившего восточнее Рейна, и ставшего впоследствии святым покровителем Германии и «апостолом всех германцев». По замыслу Бонифация, делу обращения язычников в христианство должна была служить сеть монашеских общин, основанных Бонифацием. Фульдское аббатство, основанное на землях, которые Пипиниды конфисковали у противоборствующего им аристократического семейства, должно было стать последней и, по всей вероятности, самой главной из них. Об этом свидетельствует то, что Бонифаций выразил желание удалиться на покой именно в эту обитель, тем самым подчеркивая ее значение. Но еще важнее было то, что отец-основатель Фульдского аббатства сумел добиться для нее прямого подчинения Риму, минуя юрисдикцию архиепископа Майнца. Именно в письме, адресованном папе Стефану II в 751 г. и содержащем

---

⁴ *Raaijmakers, J.* The making of the monastic community. P. 16.

просьбу о прямом подчинении Риму, Бонифаций сформулировал монашеский идеал Фульды, безусловно, вдохновленный уставом святого Бенедикта, но отличающийся от последнего большей строгостью. Иными словами, Бонифаций воспринимал устав святого Бенедикта лишь в качестве направления, рамок, в которых община была свободна определять свои порядки. Примечательно, что после соборов 816–817 гг. Фульдское аббатство должно было защищать свои собственные порядки от насаждения трактуемого буквально устава святого Бенедикта.

Во второй главе, посвященной периоду аббата Стурмия (744 (765)–779), Я. Раймакерс демонстрирует, каким образом наследие Бонифация было впервые переосмыслено на потребу обстоятельствам, в которых оказалось Фульдское аббатство в 60–70-е гг. VIII в.

Аббатство Стурмия началось с противостояния с архиепископом Майнца, Луллом (755–786), который попытался вернуть аббатство под свой контроль. В этом противостоянии Стурмий заручился поддержкой Пипина Короткого, принявшего сторону монастыря и сделавшего его королевским. Таким образом связь с королевской семьей стала еще теснее.

Кроме этого, именно Стурмий был первым, кто задумался о конструировании общего прошлого монашеской общины. Эта работа осуществлялась при аббате в двух направлениях. Во-первых, были предприняты меры для институционализации культа святого Бонифация, встретившего в 754 г. во время миссионерской экспедиции во Фризию свою смерть, которую современники рассматривали как мученическую. Погребение Бонифация было размещено в аббатстве таким образом, чтобы его посетители не тревожили жизнь монахов; все это сделало Фульдское аббатство центром притяжения для огромного числа паломников, поскольку монастырь вошел в число немногочисленных обителей раннего Средневековья, имевших собственного мученика. Во-вторых, Стурмий позаботился о письменной фиксации прошлого монастыря. Для этого были составлены т. н. «Древнейшие Фульдские анналы» (*Annales Fuldenses antiquissimi*) которые легли в основу монастырского историописания, а также «Анналы усопших» (*Annales necrologici*), датированные списки умерших монахов.

По мнению Раймакерс, «Древнейшие Фульдские анналы» выполняли две функции. Во-первых, они вписывали историю монастыря в христианскую историю человечества, определяя таким образом место обители в мире, а во-вторых, они призваны были обозначить события, с которыми монашеская община хотела себя ассоциировать. Неудивительно, что особенное внимание в «Древнейших Фульдских анналах» уделено всему, что связано с династией Каролингов, семейством, связь с которым Стурмий хотел особо подчеркнуть.

Что касается «Анналов усопших», то первоначальная их функция состояла в ведении списков тех, кого следовало поминать во время месс; такая практика существовала во многих монастырях. Однако в Фульде, как это демонстрирует Раймакерс, эти списки быстро стали инструментом конструирования общины. Включение или исключение имени из списка имело колоссальное значение, поскольку оно символизировало установление или разрыв связи с человеком. Таким образом, «Анналы усопших» содержат не только ономастические сведения, которые позволяют сделать выводы о территориях, находившихся под влиянием монастыря, но и позволяют получить представление о существовании внутренних противоречий в общине. Их составление было попыткой связать воедино разросшееся сообщество, ставшее слишком разнородным; иными словами, «Анналы усопших», поименно перечислявшие всех членов общины, должны были служить инструментом сохранения преемственности ее истории и демонстрировать, что она состоит не только из здравствующих монахов, но и из всех тех, кто когда-либо был связан с ней и чье имя община считает важным помнить.

Третья и четвертая главы, посвященные аббатству Баугульфа (779–802) и Ратгера (802–817), представляют особый интерес, поскольку в них рассматривается период быстрого роста земельных владений монастыря и, следовательно, укрепления его экономической мощи, которая, в частности, позволила реконструировать главную монастырскую церковь. Подробный анализ Раймакерс показывает, что проект перестройки церкви немало сообщает об идеологии монашеского сообщества Фульды и его программе; анализ

архитектуры главной церкви — одна из самых примечательных частей исследования.

Популярность культа святого Бонифация и тесная связь с династией Каролингов привели к тому, что многие аристократические семейства хотели ассоциироваться с ним и для этого делали щедрые подарки или завещали свои владения «святому Бонифацию». Это время роста владений стало для Фульдского аббатства и временем беспрецедентного географического расширения его влияния. Составленные при Баугульфе списки монахов не содержат ни баварских, ни англосаксонских имен. Таким образом, практически полностью изменился облик общины, изначально в значительной мере пополнявшейся земляками основателя, англосаксами.

С именем Баугульфа связано и основание в Фульдском аббатстве библиотеки и скриптория при ней. И хотя каталог, созданный при Баугульфе, еще не свидетельствует о богатстве книжного собрания монастыря, начало было положено, и всего через несколько десятилетий Фульда стала важнейшим культурным центром, в котором действовали выдающиеся эрудиты, Эйнгард и Рабан Мавр.

Именно при Баугульфе начались и работы по переустройству монастырской церкви, однако проект и его воплощение связаны, в основном, с именем следующего аббата Фульды, Ратгера, чье аббатство пришлось на сложное для общины время, которому посвящена четвертая глава. В ней Раймакерс анализирует первый в истории монашеского сообщества серьезный конфликт между аббатом монастыря и его насельниками. Его причины лежали в попытках Ратгера еще более ужесточить царившие в монастыре нравы и правила общежития, которым монахи должны были следовать. С точки зрения монахов, стремления Ратгера противоречили «установлениям святого Бонифация», о чем они и написали императору, к которому обратились с просьбой о посредничестве в этом конфликте. Таким образом, чтобы обосновать свою правоту, монашеское сообщество в своем противостоянии с аббатом апеллировало к «золотому веку» истории монастыря, основанию обители святым Бонифацием и периоду аббатства Стурмия.

Однако и противостоявший монахам Ратгер ориентировался на наследие основателя монастыря и его первого аббата. Красноречивее всего об этом говорят его масштабные зодческие проекты, которые явно демонстрировали желание Ратгера дать новую жизнь старой идее, сформулированной еще Бонифацием и развитой Стурмием. Дабы подчеркнуть, как этого делал и Стурмий, значение монастыря в качестве центра мученического культа, Ратгер переустроил монумент, воздвигнутый на месте погребения Бонифация. Кроме того, созданный им проект перестройки главной монастырской церкви в архитектурном отношении ориентировался на другие выдающиеся аббатства того времени, бывшие центрами популярнейших мученических культов, — Сен-Дени в Париже и аббатство Святого Маврикия в Агоне. Таким образом, Ратгер заявлял, что, несмотря на относительную молодость аббатства, оно стоит на одной ступени с упомянутыми важнейшими духовными центрами запада раннего Средневековья. Особенная связь с Римом, еще одна ось, вокруг которой выстраивалась идентичность монашеского сообщества Фульды с самого основания монастыря, также нашла свое отражение в архитектуре церкви, в которой присутствуют некоторые детали, свойственные древним христианским церквям Рима.

В ситуации конфликта и Ратгер, и противостоящие ему монахи обращались к прошлому монастыря. Однако первостепенное значение в этом прошлом для них имели совершенно разные вещи: монахи были озабочены сохранением традиционного устава обители, тогда как аббату куда важнее было заново обозначить место Фульдского аббатства в христианском мире, и поэтому он обращался ко временам основания монастыря, интерпретируя их через призму своей цели.

Преодолением конфликта монашеская община обязана своему следующему аббату, Эйгилю (818–822), которому посвящена пятая глава исследования Раймакерс. Стремясь объединить разделенную конфликтом общину, Эйгиль установил поминовение всех умерших членов общины. Помимо этого, в годы аббатства Эйгиля было сооружено 15 капелл, освященных в честь основоположников монашеских традиций восточной и западной церкви; таким

образом, история Фульды становилась частью глобальной истории монашества, точкой пересечения двух традиций.

По всей видимости, надеясь избежать конфликтов в общине в будущем, по настоянию Эйгиля было написано «Житие Стурмия», текст, который был призван кодифицировать «идеологию» монашеского сообщества. В этом агиографическом произведении жизненный путь первого аббата Фульды был представлен эволюцией от отшельничества к основанию общежитийного монастыря. Таким образом, Стурмий был представлен основателем монастыря, воплощением идеала монашества, а община — хранительницей его традиций.

В двух следующих главах рассматривается период аббатства Рабана Мавра (822–842), который стал временем наивысшего расцвета монастыря. Многочисленные источники, по которым можно реконструировать процессы, происходившие в эту эпоху, свидетельствуют о стремлении Рабана Мавра упорядочить все сферы жизни аббатства. Чтобы вновь поименно перечислить всех членов монашеского сообщества, при Рабана Мавре были отредактированы «Анналы усопших», в которые были внесены имена не только здравствующих или умерших монахов, но также и всех лиц, чья связь с аббатством была важна для него.

Библиотека, основанная при Баугульфе как небольшое собрание литургических текстов, выросла и стала включать в себя большое число текстов самой разной тематики. В частности — большое собрание различных монашеских уставов. Стремление иметь в книжной коллекции подобные документы хорошо соотносится с идеей предшественника Рабана, Эйгиля, желавшего связать историю Фульдского аббатства с разными монашескими традициями.

Чтобы еще больше увеличить значение обители на территориях к востоку от Рейна, Рабан распорядился перенести в многочисленные метохии аббатства мощи разных почитаемых в округе святых, о каждом из которых аббат сочинил небольшую поэму. Спустя десятилетие монах Рудольф сочинил поэму «Чудеса святых», прославляя всех святых, мощи которых хранились в зависимых от Фульды общинах; в этой поэме монастырь было представлен центром большой сети обителей, или, по выражению Раймакерс,

«пауком в паутине церквей»⁵. Иными словами, в представлении автора поэмы, мир был организован вокруг Фульды. Появление такой идеи увенчивало долгий процесс формирования идеологии монашеской общины Фульдского аббатства.

Заключительная глава книги посвящена временам трех последних аббатов IX в., Хаттону, Тиотону и Сигхарду. Это время обычно рассматривается как эпоха постепенного упадка Фульды, который был связан и в значительной мере обусловлен упадком Каролингской империи и ослаблением ее правящей династии. Однако анализ, предлагаемый Раймакерс, значительно уточняет и усложняет подобное представление.

Голландская исследовательница демонстрирует, что в это время Фульдское аббатство стремилось укрепить связи с различными местными аристократическими фамилиями, которые приобретали все более и более важное значение в условиях дезинтеграции империи. Однако и связи с императорским двором по-прежнему оставались прочны, о чем свидетельствуют, например, частые приглашения аббатов ко двору и по-прежнему активное влияние Каролингов на внутреннюю жизнь аббатства.

Во второй половине IX в., как и над всей империей, над общиной Фульдского аббатства нависла угроза распада. В эти условиях было особенно важно поддерживать единство монашеского сообщества. Для достижения этой цели была создана новая редакция «Анналов усопших», которая, однако, демонстрирует всю глубину происходящих изменений. Несмотря на сохранение старых связей, для рассматриваемого в последней главе времени характерно появление в «Анналах усопших» большого числа имен влиятельных мирян, что свидетельствует, по мнению Раймакерс, не только об увлечении аристократии делом спасения души, но и стремлением аббатства диверсифицировать своих связи с внешним миром.

В заключении книги Я. Раймакерс кратко резюмирует свои наблюдения. Групповая идентичность монашеской общины Фульды во все времена была результатом постоянной сознательной работы. Важным инструментом поддержания единства общины были практики поминовения, выстраивающиеся вокруг «Анналов

---

⁵ *Raaijmakers, J.* The making of the monastic community. P. 233.

усопших», содержание которых регулярно пополнялось в зависимости от насущных потребностей и конкретных обстоятельств. Однако наибольшее значение для идентичности общины имели неизменные идеи, заложенные в ее основание в самом начале существования монастыря: особенная связь с Римом и наследование обеим монашеским традициям, восточной и западной. Оставаясь неизменными по своей сути, эти идеи всякий раз находили разное воплощение, зависевшее от конкретных исторических обстоятельств. Таким образом, пример Фульдского аббатства как нельзя лучше показывает, что работа над идентичностью — сложный и многомерный процесс адаптации базовых концепций к постоянно изменяющимся реалиям.

Информация о статье

Шмидт, Г. А. Как появлялись идентичности в раннем Средневековье? Рецензия на книгу «The making of the monastic community in Fulda c. 744–900» Я. Раймакерс, В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2019. Вып. 5 (1). С. 125–138.

Глеб Александрович Шмидт, аспирант, Лотарингский университет (57045, France, Metz cedex 01, UFR Sciences humaines et sociales, Ile du Saulcy, BP 60228)

schmidt.gleb@gmail.com

УДК 94(100) 05

В рецензии рассматривается монография голландской исследовательницы Яннеке Раймакерс, посвященная процессу формирования идеологии монашеского сообщества Фульдского аббатства, одного из самых значительных монастырей Франкской империи династии Каролингов в середине VIII – конце IX в. В рецензии излагаются методологические основные и важнейшие выводы рецензируемого исследования. Исходя из идеи, впервые высказанной В. Полем, согласно которой формирование групповой идентичности — социальный феномен, Я. Раймакерс интерпретирует солидный корпус документов Фульдского аббатства и извлекает из него сведения о том, каким именно образом аббаты Фульды и вся община монастыря конструировали свою идеологию и особое коллективное сознание. Из демонстрации Я. Раймакерс следует, что в течение всего рассматриваемого периода основным инструментом сплочения общины и формирования групповой идентичности было конструирование общего прошлого, которое, однако, по-разному интерпретировалось в разное время и в разных исторических обстоятельствах.

Ключевые слова: Фульда, Каролинги, монастырь, монашество, идеология, коллективная идентичность

Список источников и литературы

Raaijmakers, J. Fulda, eine heilige Stadt: Hrabanus Maurus und die Reliquientranslationen (835–838), in: *Kirche und Schrift – Hrabanus Maurus in Fulda* / Ed. M.-A. Aris. Fulda: Fuldaer Hochschulschriften, 2011. S. 219–238.

Raaijmakers, J. Word, image and relics: Hrabanus Maurus and the cult of saints (820s–840s), in: *Hraban Maur et son temps* / Ed. Ph. Depreux, S. Lebecq, et al. Turnhout: Brepols, 2011. P. 385–401.

Pohl, W. The construction of communities and persistence of paradox: An introduction, in: *The Construction of Communities in the Early Middle Ages: Texts, Resources and Artefacts* / Ed. R. Corradini, M. Diesenberger, et al. Leiden/Boston: Brill, 2003. P. 1–16.

Information on the article

Schmidt, G. A. Kak poyavlyalis' identichnosti v rannem Srednevekov'e? Retenziya na knigu «The making of the monastic community in Fulda c. 744–900» Ya. Raaijmakers [How did identities appear in the Early Middle Ages? Review on the book «The making of the monastic community in Fulda c. 744–900» by J. Raaijmakers], in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2019. Vol. 5 (1). P. 125–138.

Gleb Aleksandrovich Schmidt, postgraduate student, Université de Lorraine (57045, France, Metz cedex 01, UFR Sciences humaines et sociales, Ile du Saulcy, BP 60228)

schmidt.gleb@gmail.com

The review of Janneke Raaijmakers' «The making of the monastic community in Fulda» summarizes methodological fundamentals as well as the most important results of this study, that deals with the development of monastic community of Fulda, one of the most influential and powerful religious institution in Frankish empire. Documented by a variety of narrative, documentary and archeological sources, the history of monastic community in Fulda allows understanding of a complex and continuous social process of creating and shaping group identity in this abbey, that makes Fulda thriving enterprise lasting over a thousand years. J. Raaijmakers argues that the construction of group identity was the result of conscious and never-ending work of Fulda's abbots and community that was focused, primarily, on shaping common past and adapting it to the needs of current situation. According to her, the creation of different hagiographical texts, historical annals and common commemorative practices aimed to cope with progressing

heterogeneity of the community by defining its place in the Christian world and its religious and cultural mission.

Key words: Fulda, Carolingian, monastery, monasticism, ideology, collective identity

References

Raaijmakers, J. Fulda, eine heilige Stadt: Hrabanus Maurus und die Reliquien-translationen (835–838), in: Aris, M.-A. (Ed.) *Kirche und Schrift — Hrabanus Maurus in Fulda*. Fulda: Fuldaer Hochschulschriften, 2011. S. 219–238.

Raaijmakers, J. Word, image and relics: Hrabanus Maurus and the cult of saints (820s–840s), in: Depreux, Ph., Lebecq, S., et al. (Eds.) *Hraban Maur et son temps*. Turnhout: Brepols, 2011. P. 385–401.

Pohl, W. The construction of communities and persistence of paradox: An introduction, in: Corradini, R., Diesenberger, M., et al. (Eds.) *The Construction of Communities in the Early Middle Ages: Texts, Resources and Artefacts*. Leiden/Boston: Brill, 2003. P. 1–16.